

Кевин Бэйкон, актер-невидимка

— По ходу фильма ваш герой, ученый-интеллектуал, постепенно превращается в преступника и чудовище.

— Я задавал себе вопрос: если бы он не был невидимым, стал бы он вести себя патологически? Стал бы убивать и насилловать? Я ответил для себя: нет, потому что его безумие — следствие невидимости. Это ловушка, в которую он сам себя загнал. Но далеко не всякий человек, попав в его положение, стал бы психопатом. Этот парень явно предрасположен к психопатологии. Он ярко выраженный вуайерист. В нем чувствуются мегаломанские замашки, он честолюбивый эгоист с колоссальным чувством неудовлетворенности и неуверенности в себе. Он любит властвовать, и поэтому он идеальный кандидат на превращение в монстра.

— Вы сами делали большинство трюков в фильме. Зачем?

— С технической точки зрения в этом фильме легче использовать самого актера, чем его дублера. Дело в том, что нужно было создать цифрового человека, который полностью совпадал со мной по всем техническим характеристикам. Они постоянно снимали с меня цифровые характеристики, загружали их в компьютер и создавали мой цифровой аналог. Поэтому если бы в отдельных сценах меня заменяли на каскадера, эти кадры было бы труднее обрабатывать на компьютере.

— Вам было очень трудно?

— Трудно было не столько с физической точки зрения — мне и раньше приходилось получать удары и синяки перед камерой. Труднее всего было то, что на несколько месяцев я перестал чувствовать себя актером. Я был марионеткой, раскрашенной куклой, которую потом убрали из кадра.

— В телешоу Говарда Стерна вы заявили, что вам пришлось красить в белый цвет волосы на причинном месте. Это была шутка?

— Нет. Они делали цифровую версию на меня. Я стоял обнаженным на столе, а они снимали мои мерки. Меня сканировали кругами и в конце концов получили мою компьютерную версию под всеми 360 градусами. Потом я произносил все согласные и гласные звуки, и их записывали в цифровом формате. Получился цифровой человек. Проблема в том, что лазер видит только белый цвет. Черный не читается. Поэтому всего меня покрасили в белый цвет.

— Но если герой невидим, откуда нам знать, вы это или нет?

— Когда героя обтекают вода или дым, или пар, вы видите контуры моего лица. Вы видите под водой человека — меня.

— Но ведь они могли подставить вместо вас цифрового человека!

— Сначала нужно было снять в этой сцене реального человека. Потом его — то есть меня — убрали, а вода или дым оставались. А в сценах с другими актерами я участвовал наравне с остальными. Иначе сбивался бы ритм сцены.

— А в эротической сцене с Элизабет Шу?

— Нет, там все делалось с помощью спецэффектов. И в сцене изнасилования меня тоже не было. Вот если бы в этих сценах мне нужно было говорить, пришлось бы в них присутствовать.

— Вы играли на фоне зеленого экрана?

— Я сам был зеленым экраном. Обычно людей снимают на фоне зеленой или синей стенки, а потом вместо нее накладывают нужный фон. Здесь фон реален, а меня убрают.

— Значит, на киноплощадке вас выкрасили в зеленый цвет?

— Я был в костюме и маске из латекса. Это было ужасно. Вся голова была закрыта, я с трудом мог дышать. Я носил зеленые контактные линзы с точечными отверстиями в середине, чтобы я мог видеть хоть что-нибудь. На зубы мне надевали зеленые скобы. Наверное, я на всю жизнь возненавидел зеленый цвет.

Наверняка вы его видели. Скорее всего, вы его не помните. Кевин Бэйкон стабильно снимался и снимается в хороших фильмах, но в России он никогда не был так популярен, как в США. Он прославился в Голливуде в 1983 году в "Праве на танец" (Footloose) — молодом мюзикле, который принес ему титул "нового Траволты". В 80-е годы Бэйкон был одним из самых популярных романтических героев, но постепенно слава его начала спадать, и в 90-е годы он переключился на роли второплановых злодеев. Сегодня 42-летний актер снова вышел на авансцену шоу-бизнеса, сыграв главную роль в фантастическом триллере Пола Верховена "Невидимка".

— Какие сцены с компьютерными эффектами было труднее всего снимать?

— Момент исчезновения. Человек начинает таять. Сначала тает кожа, и вы видите органы и мускулы. Потом от человека остается только скелет. Потом и скелет тает. Мы сняли сцену, в которой я кричал и корчился, а все остальные ужасались. Потом они заменили меня цифровой версией в разных стадиях исчезновения. Это была очень трудная работа.

— Не бойтесь, что теперь вас заменят актером фантастического кино?

— Гораздо больше меня беспокоит то, что меня все чаще записывают в кинозлодеи. Меня уже дети боятся. Я не хочу заходить слишком далеко в этом направлении.

— Вы говорили с режиссером Полом Верховеном о вашем герое?

— Да, конечно. Пола очень интриговала эта дилемма. Как поведет себя человек, если он станет безнаказанным? Насколько развращает человека власть над другими людьми?

— Кого бы вы в первую очередь начали мучить, если бы стали невидимым?

— Не знаю. Думаю, я не захотел бы становиться невидимым. Невидимость обрекает на одиночество. Удовольствие от подслушивания чужих разговоров быстро испаряется.

— Вы бы не стали подсматривать за бывшими подружками?

— Зачем? Единственная радость в невидимости — анонимность. Я уже много лет не могу появиться в публичном месте просто так, чтобы на меня не пялились. Стать анонимным было бы здорово.

— Какие открытия вам хотелось бы увидеть в ближайшие 20 лет?

— Такие, которые помогли бы нам сократить уровень потребления. Тогда мы бы смогли спасти планету, которую мы разрушаем.

— Ваша карьера была на редкость плодотворной.

— Мне очень повезло — я смог стать популярным актером. Это очень трудно. Актерское ремесло — это постоянные взлеты и падения, высочайший уровень неопределенности. Это 10 процентов удач и 90 процентов откатов.

— Как вы выбираете роли?

— Какая разница? Я не могу дать вам никаких ценных советов. Я снялся в тонне плохих фильмов.

— И все-таки?

— Я исключаю из уравнения три параметра: объем роли, сумму гонорара и бюджет фильма. Мне кажется, что когда актер подходит к карьере с такой точки зрения, ему подвластно все. Это не значит, что ты никогда не упадешь лицом в грязь. Но все равно ты должен рисковать.

— Что изменилось за те 20 лет, что вы снимаетесь в кино?

— Когда я начинал сниматься, никто понятия не имел, сколько собрал в прокате тот или иной фильм, сколько он стоил, сколько заплатили актерам. Только агенты и студийные чиновники читали Variety. Люди ходили в кино из-за того, что им нравились актеры, их интересовала тема или из-за хороших рецензий. А не из-за кассовых сборов.

— Считаете ли вы, что "Право на танец" слишком сильно зависело от планки ожиданий в вашей карьере?

— Да — ты поднимаешься на самый верх, а потом 10 лет катишься по наклонной плоскости. Все изменилось после фильма "Джей-Эф-Кей" — выстрелы в Далласе. Там у меня была маленькая роль, я снимался всего четыре дня, но эта работа помогла мне переосмыслить себя, если можно так сказать. Мне захотелось почувствовать себя актером, а не поп-звездой.

— Вы не считаете, что "Право на танец" было ошибкой?

— Я никогда ни о чем не жалею. Сегодня я знаю, что любой успех можно использовать во благо и во

вред. Если ты используешь его для того, чтобы получать самые интересные роли, работать с лучшими режиссерами, к тебе будут относиться серьезно. Конечно, теоретизировать легко, а придерживаться этого на практике гораздо сложнее. Но я не мог не работать. Мне нужно было содержать семью.

— Вам никогда не хотелось бросить лицедейство?

— Никогда. Как бы ни были плохи мои дела, я знал, что все равно буду играть. Даже если мне придется работать официантом и выступать в любительских театральных постановках. Самым трудным был конец 80-х годов. Я женился (на актрисе Кире Седжвик. — Прим.пер.), у меня родился ребенок. Умерла моя мать. В кино — полная невезуха. Слава Богу, меня поддержала жена. Она всегда меня понимала. Недавно меня спросили, нет ли у нас чувства соперничества. Нет. У нас — чувство локтя.

— Как вы познакомились?

— Мы с Кирой снимались в фильме "Лимонное небо". Я не знал, как мне пригласить ее на свидание. К тому времени я изрядно подзабыл, как это делается. До этого я долго встречался с другой девушкой (актрисой Треиси Поллан. — Прим.пер.). Только к концу съемочного периода мне удалось обратить на себя внимание Кире.

— Она уверяет, будто с первого дня поняла, что вы созданы друг для друга.

— Вы ее больше слушайте! Долгое время она считала меня чокнутым.

— Вы живете вместе уже 11 лет. Поделитесь секретом счастливой семейной жизни.

— У нас нет никаких секретов. Я не могу вам что-то советовать, потому что меня ужасно злит, когда я читаю в прессе советы других знаменитостей. Мне кажется, что такие советы — яркий признак надвигающегося разрыва. Как и фотографии в обнимку на обложках журналов.

— Вы продолжаете выступать на сцене в фолк-группе The Bacon Brothers.

— Мы с братьями сочиняем новые песни. Готовимся записать третий альбом. У нас появились поклонники из мира музыки. Раньше люди приходили посмотреть, как я выгляжу живьем. Теперь они приходят послушать мои песни. Музыкальные фанаты гораздо последовательнее киноманов. Они готовы путешествовать вслед за группой из города в город.

— Вы решили петь, потому что в кино не было ничего интересного?

— Музыка — это способ высказаться от первого лица. В кино между тобой и зрителем слишком много посредников. Нет ничего искреннее, чем выступление перед людьми, когда между тобой и ними не стоит очередной персонаж. На сцене ты сам себе хозяин. Фильм тебе не принадлежит. Вот почему так много актеров стремится продюсировать или ставить фильмы — их угнетает необходимость обслуживать чужие идеи. Я спасаюсь в музыке.

— Вы исполняете в ваших концертах "Право на танец"?

— Обязательно.

Сьюзен ХОУАРД